

От Михаила Обуховского, Лион, Франция —
в Одессу, Леониду Рукману

Дорогой мой!

Внимательно прочел "Новые памятники"...

Поздравляю тебя, книга даст возможность и через много лет представить новую Одессу в начале 21 века, ибо она остановила стремительные мгновения нашей жизни и показала, собрав воедино, приемы времени в каменной и бронзовой летописи.

Ты предложил, по-моему, очень удачно разделы книги, среди которых меня тронули трагичные истории, которые скупо, но страстно, а иногда подчеркнуто спокойно рассказывают, как это было — нам, через 60-70 лет после остановленных на мемориальных досках событиях.

Проникновенный текст, прекрасные фотографии, хорошее издание — что еще нужно для успеха этой книги (и CD, реализованному очень профессионально), которую уже ждут одесситы в любом нашем городе и в рассеянии.

Спасибо еще раз за прекрасный подарок.

Обнимаем вас,

Клодин, Миша

Всемирному клубу одесситов — из Лиона, Франция.

И одесский, и всемирный, — ваш клуб и его сайт сделали одесситов еще ближе, но без давки, без "Не толпитесь, — всем хватить", и без "В огни руки больше одного экземпляра не давай"...

Вслед за очень популярными во Франции Врачами без границ сайт odessiclub.org породил племя Одесситов без границ, границ пространственных, временных, общинных.

Хорошо, что границы вкуса и нравственности соблюдаются лучше, чем Шенгенские...

В 60-х годах Евг. Евтушенко признавался с вызовом — Границы мне мешают, мне неловко не знать Буэнос-Айреса, Нью-Йорка... Может быть, и его — в клуб?

В отличие от всех других клубов ваш признает все праздники конца и начала года: и наш Новый год, и Сан-Никола, и французский Ноль, и православное Рождество...

Пусть безгранично счастливым будет клуб.

С восхищением,

М. О.

Из Берлина
в Одессу.

Евгению Толубовскому,
вице-президенту Всемирного
клуба одесситов,
гл. редактору газеты
"Всемирные одесские
новости"

Уважаемый

Евгений Михайлович!

Направляю Вам текст статьи "Георгий Гамов — классик современной физики". Думаю, публикация статьи будет хорошим вкладом в "Международный год Гамова".

В программу январских "Дерибасовских дней" мы предложили одесситам включить организацию проведения "Дерибасовских чтений" (руководитель Родион Феденёв, Дам ученых), кинофестиваля "Вселенная Джорджа Гамова и Стивена Спидберга" (программа предложена "Киноартхаусу Одесса") и др. Все зависит от деятельности одесситов, которыми мы стараемся помочь.

Решение об учреждении в рамках Дерибасовской премии номинации "Одесские генетические корни" и номинировании Джорджа Гамова и Стивена Спидберга нами направлено Стивену Спидбергу и сыну Дж. Гамова — профессору Игорю-Рустаму Гамову (Болдер, шт. Колорадо), а также в ЮНЕСКО, Вашингтонский университет им. Дж. Вашингтона и Колорадский университет.

Стивену Спидбергу переданы более 50 вопросов для его эксклюзивного интервью.

Думаю, приобщение Стивена Спидберга к Одессе может принести большую пользу.

Спидберг — это (кроме того, что он Спидберг) Международный фонд Холокоста, Международный фонд помощи детям-инвалидам, возможность помощи в организации на базе цифрирующей Одесской киностудии "Европейского режиссерского мастер-класса" (с привлечением известных кинорежиссеров) и др.

Опять же — в будущем все зависит от практической связи одесситов со Спидбергом.

Спидберг ни разу не был в Одессе, несколько раз высказывался о желании посетить родину своих предков.

Нами установлена связь с пресс-атташе Спидберга, но самого в Лос-Анджелесе нет (Каннский фестиваль, получение ордена Почетного Леона и пр.). Вряд ли он сумеет приехать на празднование, он даже по занятости не поехал на церемонию своего посвящения в рыцари Британии (она прошла в посольстве Великобритании в Вашингтоне).

Но когда-то его приезд явно будет. Мы предлагаем одной фирме рассмотреть вопрос организации приема Спидберга в Одессе.

С добрыми пожеланиями,
Александр Маниович
Берлин, 25 сентября
2004г.

Лина Вербицкая
из США
во Всемирный клуб
одесситов

ЮЖНАЯ, 27

Я вернулась к вам,
родные камни,
К вам, где в прошлом веке
жизнь прошла.
Мой балкон, к тебе...
Как часто мама
Вечерами здесь меня ждала.

За дверями звучит пианино,
Милый "ВЕККЕР",
коему сто лет.
Трустно смотрят
окна из гостиной,
Где давно,
где так давно нас нет.

Отзвучали папины романсы,
Мамин чуткий
аккомпанемент.
Сколько добрых встреч
здесь было раньше...
Воск оплыл.
Погас родимый свет.

Не урчит здесь больше
бормашина,
Чей-то зуб спасая на корню.
Дедушка ко мне
волшебным джинном
Не присядет тихо,
как к огню,

Чтоб, не снявши
белого халата,
Мой задачник пододвинуть:
"Ну-с!" —
И решить
те три задачи клятых,
Над которыми
так тщетно бьюсь.

Чтобы растопить потом
голландку,
Платье с мамой
повстречать теплою,
Чтоб, румяною хрустя
баранкой,
Всем нам почаевичничать
потом.

Чтобы к пианино
сестра братишке
За этюды Черни,
звучи гамм,
Мамин строгий голос
вслед услышать:
"Ты закончишь
точно по часам!"

Это было...
Это не растает...
Этому по гроб
во мне звучать
Под рюмзды
5-го трамвая
И акаций
пряный аромат.

Игорю Лотоцкому, Людмиле
Самодоевой, девочке Мадине
и собаке Митя в Одессе —
от писателя
Елизаветы Мерк, Париж.

Одесса.

Балкон, подвешенный между жизнью и жизнью. Стадион, изрыгающий нескончаемые популярные напевы в сторону колокольни провалок русского консульства. Мой пакет "галуза" цветает, подхваченный ветром независимости. День независимости Украины. Черные птицы, прилипшие к электрическим проводам, — утрам, на Валиной даче, — играли в Личкока. Невысказанная жалоба, мятеж?

На этом балконе я стою возле поэта и курю сигаретку. Перекурив. Я исправляю плохой французский перевод его прекрасных поэм о Париже. Сидя между девочкой, которая меня о чем-то спрашивает, и бесцеремонной собакой, тыкающейся в меня своей мордой, чтобы я ее приласкала.

Слова взлетают, закручиваются между черными пианино и всеми этими книгами, которые я не смогу прочитать. Я ловлю их. Ноздрями, ушами и губами. Иногда собака поднимает голову, будто ей удалось их расшифровать лучше, чем мне. Извлекаю слова из языка. Некоторые из них слышатся ускользнуть, другие вырисовываются, записываются.

"Звезды вспыхнули разом, дышащее мое прервалось". Восоздать ощущаемую мною гармонию, музыку русского языка сквозь буалирующие ее французские фразы. Я не знаю улицы Розовых кустов. И этот поэт дает мне урок поэзии Парижа, здесь, в трех тысячах километров от моей столицы. Книжки насторожились, картины прислушиваются, пианино притихло. Я работаю: собака уснула.

Вечерам мы прогибались по городу. У статуи герцога Ришелье, как бы венчающей пирамиду, — я созерцала лестницу, где детская клякса тихо пролетала по ступеням в фильме Эйзенштейна.

Встреча. Встреча с городом. Сначала им вышишь, слегка касаешься кончиками пальцев, ласкаешь взглядом. Образы, рокот нарастают. Эхо, дрожащее в темноте, брызнет позже, под давлением абитурички. Затем его смакуешь, медленно, кожей. Открываешь его постепенно, как обрывают, любя, лепестки цветка, прищипывая его, прищипывая.

Одесса: цвета в двух измерениях. Бледная светотень фасадов, изрезанных ветвями огромных платанов. И жесткое солнце, черно-галубое море, беспощадный диск. Нечто между ясностью и меланхолией, как на лице старухи, которая осеняет себя крестом на скамье. Цыгане цехали. Силуэты кошек проскальзывают из форточек полуотвалов — белых, серых, черных кошек с теля-

ми между духом и материей, — и принимают форму камня.

Иazole этой удивительной пары, Игорь-Людмила, которая ведет нас по улочкам города, где слова отступают, чтобы нам говорить лучше, мы слушаем другие молчания, ощущаем темноту. Я распеваю просторство, держа за руку маленькую девочку; тысячи глаз шепчутся, тысячи мерцающих точек прилепляют к чужим крышам. И я продвигаюсь по этому городу, держа за руку ребенка, отводящего мне путь ночного волшебства. Лален, на губах. Всплывание. Отсутствие времени. Как пауза. Последние мгновения ожидания возле поезда, который вот-вот отойдет.

Часто после путешествия в памяти искрятся лишь несколько образов, тех, что, может быть, и не должны были возникнуть, на них — вне силы гравитации — никто и не рассчитывал. Моменты — диалогитивы, выгравированные почти что против их собственной воли: взгляд собаки, ребенка, дымки, зажаренной между двумя плитками асфальта, мелодии вне всякого контекста.

В моей голове кружатся несколько последовательностей молниеносных кадров, как в резюэ фильма. Вырисовывается вила Волошина посреди ярмарочных балаганов, татарские рестораны, где едят полулежа, лицо Саши, на неделю заехавшего к нам в Крым, дом Чехова в Ялте, сямские кошки в Туркуфе, рой черных птиц на огромном плоском участке под Одессой, а в самой Одессе — эта замечательная семья, с которой мы встретились, итальянский бульвар, российское консульство, вокзал, исхоженный вдаль и поперек, Киев, замеченный вскользь — в мгновение ока, квартира Булгакова. Путешествие продолжилось в Санкт-Петербурге. Постигнуть сокровище: камуналка Аркадия и Ольги, жилище Галины и ее дочери Дарьи, рассказавших мне, что дом музей Набокова (в Санкт-Петербурге) сводится лишь к коллекции бабочек.

И вновь Париж, голова, переполненная солнцем, дождем, планетой Марс, затмившей другие звезды, Черный морен, русскими поездами, будто Улисс, вернувшийся в Итаку после своего прекрасного путешествия, доминирующее впечатление от этой Украины мерцает в черно-белом, переполненная картинка — точная и размытая одновременно: я на диване с переносным компьютером на коленях, малышка Мадина, забывающаяся электронной игрой, собака Митя, спящая во владении кресла в этой темной комнате, переполненной книгами, пренебрегающими мной, в глубине — закрытый черный розаль, к которому я не притронусь.

Вообще-то на Украине я писала везде, но там, погруженная

в сердцевину не моей поэзии, я переделывала иностранный текст, пытаясь с ним слиться.

Эти "Парижские поэмы" пропитаны блаженством, окрашенным меланхолией затронуваных волнений "между дождем и разноцветными огнями", одой любви "От аполинеровских посланий к Лу", где две дремлют по Парижу ночью, зажимая "двадцать пять ароматных свеч" и "зажимая в горсти все несчастья", с тем чтобы вновь возродиться в этом городе на "сгоревшей неделе, в которой сень-нон и сень-пауз" возле Нотр-Дама, который открывает и замыкает эти стихи.

В них — вселенная Парижа, "разноязыкий этот цей", "где тени прахожих окликают звезду на исходе блудливого дня", всего лишь смертный мир, в котором вновь начинается дыть сердце; илена в поисках плоти и тела, в свою очередь, в поисках имен, вырывающих его из древних страхов "я", из молчания. И поэт снова становится очарованным странником, изголодавшимся лолником абсолюта, вдыхающим жизнь в инертные камни.

Писатель — соглядатай, обращающий свой взор к сокровищам, не предназначенным для него. Он открывает шкаф, дрожит в тайных коридорах в поисках тайной двери, как та — однажды женная роботом в пирамиде Леонса, — что ведет к другой запертой двери, утаивающей другой подземный ход, погруженный в тысячелетнее молчание. Он врывается забытые благоухания, слышит цифротворенные шорохи, созерцает картины пустынной подземной галереи.

Все фотографии, которые мы смотрели: семьи Волошина, Чехова, Булгакова, лица одной улицы в Киеве, альбомы, которые мне показал Игорь. Лица, остановленные мгновения, присутствие без присутствия.

Существуют люди, к которым располагаешься (прирастаешь) сразу, которых признаешь, еще их не зная, рядом с которыми испытываешь что-то "radnoie", даже если не говоришь на их языке. Моменты, когда каждый жест легок, каждый взгляд нов и в то же время тысячу раз предустановлен. В поэмах Игоря я повстречала себя.

Цель письма есть побуждение читателя проникнуть на праздник слов не для того чтобы ошеломить, но чтобы поместить его в изгиде коридора перед зеркалом, где он натолкнется на свое собственное изображение, удивленный, бросающий украдкой взгляды, прежде чем посмотреть на себя, услышать себя. Себя прочесть.

Elizabeth Merx

Париж, 5.09.03

Перевод Сергея Беллиова